

Российская цивилизация: обретение идентичности

Виктор Авксентьев
Борис Аксюмов

Двадцать три года прошло с момента крушения Советского Союза и образования новой политической, культурной, геополитической реальности – постсоветской России. Длительный и тяжёлый трансформационный период, вместивший в себя почти катастрофическую ситуацию 90-х годов и постепенное возрождение в 2000-х годах, похоже, подходит к концу. Сегодняшняя Россия – это уже не осколок советской империи, испытывавший все тяготы поражения в холодной войне, это сложившийся субъект мировой истории и современной геополитики; у России есть все инструменты и возможности полноценного и, не будет преувеличением, решающего воздействия на формирование мира XXI в.

Украинский фактор идентификационных поисков России

Окончательный переход Российской Федерации из постсоветского в новый период исторического

развития происходит на наших глазах и связан с событиями на Украине. Украинский кризис обострил,

АВКСЕНТЬЕВ Виктор Анатольевич – доктор философских наук, профессор, директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. *E-mail:* avksentiev@rambler.ru

АКСЮМОВ Борис Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета. *E-mail:* aksbor@mail.ru

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, цивилизационный выбор, культурно-цивилизационная система.

либо эксплицировал, многие вопросы, находившиеся если не на периферии исследовательского интереса, то считавшиеся или решёнными, или само собой разумеющимися.

По словам Л.Ивашова, «в мире сложилась революционная геополитическая ситуация: Москва бросила вызов американскому беспределу, беззаконию и наглости, остановила неофашизм на подступах к своим границам. И получила (явную или скрытую) поддержку международной общественности в лице Китая, Индии, Латинской Америки, Ирана, Турции, значительной части исламского мира, Африки. За спиной России Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), да и ряд стран Европы наверняка молчаливо приветствуют шаги российского руководства. А это уже совершенно новый мировой расклад сил» [1].

Действительно, однополярный мир с диктаторскими полномочиями Запада (а фактически США) уже не историческая реальность, а скорее обращённый в прошлое ностальгический концепт, используемый идеологами Запада в целях удержания своего падающего могущества хотя бы в информационно-символическом пространстве. Наступает эпоха многополярного или полицентричного мира, приход которой уже достаточно давно предсказывали многие политики и учёные, особенно представляющие «не-западные» страны.

Одним из центров силы формирующегося нового мира неизбежно станет Россия.

В отношении России необходимо принять геополитическую аксиому, имеющую скорее метафизический характер: положение России на глобусе не оставляет ей иного выбора, кроме как быть одним из крупнейших геополитических центров.

Поэтому многочисленные советы о превращении России в «нормальную страну» имеют целью предотвратить становление России как центра геополитического притяжения и в конечном итоге обеспечить утрату ею самодостаточного статуса в будущем мироустройстве. Однако для обретения Россией нового геополитического статуса недостаточно восстановления экономической и военной мощи, усиления политического и геополитического влияния на происходящие процессы. Важнейшим фактором возрождения России в качестве мировой державы является обретение новой цивилизационной идентичности, которая должна быть основана на великой российской истории и не менее великой русской культуре, поэтому новой её назвать можно только условно, имея в виду факт её формирования в принципиально новых исторических условиях. В то же время очевидно, что цивилизационный выбор в этих новых исторических условиях необходимо делать, опираясь на историческую память, на опыт предыдущих столетий, которые обеспечили России тяжёлое, неоднозначное, но вместе с тем великое и славное историческое прошлое.

Украинский кризис в очередной раз поставил Россию перед необходимостью цивилизационного выбора. В настоящее время мы переживаем тот исторический момент, когда

становится очевидным, что стратегический курс на сближение с Западом, проводившийся с большей или меньшей степенью рельефности все постсоветские годы, необходимо как минимум пересмотреть. Прозападная ориентация постсоветской России была обусловлена не культурно-цивилизационным родством с западной цивилизацией, а той новой геополитической ситуацией, которая сформировалась после развала Советского Союза и окончания холодной войны.

Показательным является тезис одного из идеологов реформ 90-х годов, писателя и философа И.Клямкина, который утверждал, что «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» [2]. Этот тезис И. Клямкина является одним из наиболее цитируемых в современной российской *цивилизациологии*, чаще всего в порядке критики, однако важно подчеркнуть, что в первое постсоветское десятилетие в разном терминологическом оформлении он стал одной из господствующих идеологией. Для обывателей, измученных тотальным дефицитом «поздней перестройки», западная цивилизация ассоциировалась с потребительскими ценностями, которые были быстро восприняты как новой российской элитой, так и «неэлитными» массами.

В этой связи становится понятно, что необходимо было определенным период времени пройти по этому пути, чтобы осознать ошибочность выбранного курса. Сегодня это осознание произошло, не в последнюю очередь благодаря украинскому кризису, в основе которого лежат геополитические устремления

Запада во главе с США оторвать Украину от России и сделать её форпостом НАТО на границах Российской Федерации. Таков был замысел американских стратегов, вдохновлявшихся рассуждениями Бжезинского о том, что без Украины Россия перестанет быть евро-азиатской империей, а останется лишь азиатским государством. В этом смысле рассматривать происходящее сегодня на Украине как сугубо внутриукраинский кризис, не имеющий никакого отношения к геополитическому противостоянию между Россией и Западом, было бы большим и непростительным заблуждением.

Однако реальное развитие событий может привести к совершенно неожиданному для Запада результату – не к окончательному геополитическому нокауту России, а наоборот к её возрождению в качестве великой мировой державы. Необходимым условием подобного возрождения является адекватная, соответствующая тысячелетней российской истории переоценка цивилизационного и геополитического статуса России.

Ещё 20 лет назад, в самый разгар «дружбы» с Западом, известный представитель неоевразийства А.Панарин отмечал, что Россия «не может игнорировать ни собственную геополитическую традицию, ни систему внешних ожиданий, обращённых к ней (негативно или позитивно) как держателю хартленда. Ей необходимо понять, что она не может самовластно, по произволу каких-либо элит, перейти из разряда континентальных держав-участников хартленда – в разряд океанических, относящихся к римленду. Здесь самые го-

рячие намерения, касающиеся возвращения в Европу или послушного следования Америке, помочь не смогут. Пребывание в континентальном пространстве как особенность российской судьбы накладывает свои ограничения на политический набор и геополитическое творчество» [3].

Действительно, сегодняшняя ситуация, возникшая вокруг украинского кризиса,шний раз показывает, что противостояние России и Запада имеет не сиюминутный политический или экономический характер, а гораздо более глубокую, уходящую корнями в далёкое историческое прошлое культурно-цивилизационную и геополитическую основу. Данное противостояние имело различные формы – от попыток папских легатов обратить православную Русь в католичество до вероломных военных походов, заканчивавшихся полным поражением Запада. Сегодня это многовековое противостояние имеет форму борьбы за Украину, за её политическое и культурное будущее.

Помимо важности происходящих событий с точки зрения будущего Украины необходимо отметить и огромное значение этих событий для самой России. Именно сейчас, без преувеличения, решается очень и очень многое – быть ли снова России великой мировой державой, которая деятельно отстаивает свои национальные интересы, или, как это часто бывало за последнюю четверть века, постоянно поступаться ими, лишь бы не вызвать недовольство у своих западных партнёров; идти ли и дальше по пути западного культурного постмодерна, снимая все табу и переступая все границы, или сделать

ставку на культивирование традиционных ценностей, чтобы окончательно не разрушить морально-нравственную сферу общества и сохранить институт семьи в его традиционном виде, чтобы, в конце концов, не легализовать инцест.

Помимо этого, «Россия и её цивилизационное пространство призваны выполнить не просто миссию, но двойную миссию: сохранив себя как противоречие Запада, обеспечить возможность развития в мире различных политических и экономических систем, а значит, сохранить многообразие и уникальность самого мира» [4].

Для эффективного решения этих и других важных задач необходимо всестороннее развитие цивилизационной идентичности России как самобытной уникальной культурно-цивилизационной системы, имеющей свой особый путь исторического развития. Идея, конечно, далеко не новая, однако в современных условиях совершенно необходимая.

Как показывают результаты социологических замеров, российское общество, разочаровавшись в идее евроинтеграции, вполне готово к восприятию именно такого цивилизационного статуса России.

По данным Института социологии РАН, «в современной России стремление к сближению с Западом, как и мечта об «общеевропейском доме», характерны для 10% меньшинства. А реальное чувство общности с европейцами проявляет и вовсе малозначимая часть социально активного и трудоспособного населения страны – всего 2%» [5].

Думается, что в контексте последних событий, связанных с украинским кризисом, эти показатели стали ещё скромнее.

Эти тренды в общественном сознании вызвали активное сопротивление либеральной элиты, которая внедряет в общественное сознание мысль, что Россия, расставшись с западными цивилизационными ил-

люзиями, останется с такими «ценностями», как «жестокость, ненависть, предательство, корысть, нелюбовь к родине, нетерпимость к людям другой национальности и религии» [6].

Россия: от гражданской идентичности к стране-цивилизации

Формирование цивилизационной идентичности России как самобытной культурно-цивилизационной системы будет символизировать преодоление постсоветского кризиса, иногда переходящего в депрессию, когда государство металось из стороны в сторону в поисках своего места в новом мире, а общество, принявшее как некое новое Евангелие западные аксиологические принципы, атомизировалось и морально деградировало. Такая цивилизационная идентичность не только укрепит позиции России на международной арене, снова превратив её в привлекательный цивилизационный центр, но и будет способствовать решению внутренних проблем страны, в частности, в важнейшей сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

В то же время следует отметить, что на сегодняшний день в научном, политическом и общественном дискурсе центральное место занимает представление о гражданской идентичности как основной форме национальной консолидации. По нашему мнению, гражданская идентичность, при всей своей безусловной значимости, является по своему генезису формальной и не способна стать реальной основой культурно-аксиологической общности российского народа и тем самым выступить

фактором снижения этноконфессиональной конфликтности, фундаментальной на выраженных и намеренно демонстрируемых этнокультурных различиях. В полиэтническом российском государстве этнокультурные ценности, традиции и обычаи явно выпадают из смыслового объёма понятия «гражданская идентичность», поскольку прочно входят в сферу охвата таких видов идентичности, как этническая и конфессиональная. В этом смысле гражданская и этноконфессиональная идентичности чаще всего выступают не как взаимодополняющие, а как конкурирующие между собой [7]. В доказательство данного тезиса сошлёмся на результаты проводимых в различных российских регионах социологических исследований.

Например, как показали исследования в Башкирии (2012 г.), «этническая идентификация в настоящее время преобладает над государственно-гражданской в силу специфики выполняемых функций (обеспечение чувства «онтологической безопасности», социально-экономической и политической мобилизации и др.)». Более того, «даже признающие в той или иной степени существование российской нации не готовы отречься от национальности, первостепенности этнической принадлежности» [8].

Подобные явления, когда этническая или этноконфессиональная идентичность начинает выступать

как своеобразная альтернатива идентичности национальной (гражданской), нередки и в других республиках Российской Федерации, особенно это касается республик Северного Кавказа [9].

Как отмечают учёные из Южного научного центра РАН, «при исследовании социально-политической напряжённости на Юге России необходимо учитывать специфику менталитета проживающих здесь народов. Он характеризуется такими чертами, как уважительное отношение к традициям, своему историческому прошлому, крепкие семейно-родовые связи, обострённое чувство социальной справедливости, стремление к независимости, воинственность, готовность ответить силой на насилие. Крайне важна такая особенность, как акцентирование внимания на национальной принадлежности» [10].

Альтернативность этнической и конфессиональной идентичностей по отношению к гражданской идентичности, более того, их фактическое доминирование, лежат в основе многих конфликтов на этноконфессиональной почве, возникающих в различных регионах Российской Федерации, а также в центральных городах страны, принимающих в себя существенные потоки не только внешней, но и внутренней миграции. В этих условиях становится всё очевиднее, что гражданская идентичность, какой бы высокой и значительной ни была степень её сформированности, не может выступать реальным барьером на пути возникновения межэтнических конфликтов, стать той самой искомой общенациональной идентичностью, которая будет способна консолидировать россиян в единый народ. В условиях межкультурной разобщённости, дисгармонии мировоззренческих принципов и ценностных приоритетов гражданская идентичность выступа-

ет в роли формального маркера принадлежности граждан к определённому государственному целому, и не более того.

Гражданское сообщество, формируемое на основе гражданской идентификации, лишено сегодня глубинных интегрирующих связей, того цементирующего аксиологического начала, которое делает общество сплочённым, консолидированным, исключает конфликты между гражданами на основе принципиальных ценностных противоречий.

Этнокультурные различия в условиях доминирования этноконфессиональной идентичности приобретают абсолютное значение при формировании отдельных людей и целых социальных групп.

Как отмечает Ю.Ставропольский, «этнические меньшинства желают жить среди своих и учить детей в «своих» школах. Разумеется, у этнических меньшинств должны быть свои права. Но в Москве доходит до формирования, по сути дела, этнических школ» [11].

Важно подчеркнуть, что стремление к автономизации воспитания и образования присуще не только этническим меньшинствам, проживающим на территории России, но и ряду коренных российских этносов, особенно это касается некоторых северокавказских республик. В результате этнокультурные различия и их культивирование становятся первостепенной ценностью, и уже с самого раннего возраста у человека закладывается представление о его этнокультурной исключительности. Ценности гражданской идентичности позднее накладываются на уже сформированный этноконфессиональный культурно-аксиологический фундамент и не способны соста-

вить им реальную конкуренцию в ментальном мире субъекта. По этой причине факт общего согражданства никоим образом не компенсирует дезинтегрирующую по самой своей сущности силу этнокультурных различий, которые в условиях тесного контакта между различными социальными культурами и моделями

поведения приобретают выраженный конфликтогенный характер. Поэтому можно утверждать, что в **современной России интегрирующие общегражданские ценности и символы имеют по преимуществу формальный характер, а дезинтегрирующие этнокультурные различия – реальный.**

Концепт российской цивилизации: современные контуры

В этих условиях возникает необходимость поиска и формирования такого вида интегрирующей идентичности, который будет способен сделать разрозненных граждан с их этнокультурной спецификой единым народом. Таким видом идентичности, по нашему мнению, является цивилизационная идентичность, основные принципы и конкретное содержание которых только предстоит разработать совместными усилиями научной и общественно-политической мысли.

Интерес к цивилизационной идентичности как новой возможности обеспечения национального единства России актуализировался после статьи В.В.Путина «Россия: национальный вопрос». На фоне краха политики мультикультурализма во многих европейских странах стало очевидно, что ставка на формирование только гражданской идентичности при абсолютизации цивилизационного самоопределения, культурной автономии себя не оправдывает.

По словам В.В.Путина, «цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный

код, который подвергся в последние годы серьёзным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [12].

Тема поиска цивилизационной идентичности получила продолжение и в принятой полтора года назад Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

В ней отмечается, что «современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру» [13].

Сложность в формировании цивилизационной идентичности России заключается не столько в том, как это сделать, и даже не в том, что именно нужно делать, а прежде всего в том, что это такое и зачем это делать. Дело в том, что Россия до сих пор не определилась со своим цивилизационным статусом.

В российском интеллектуальном поле присутствуют два конкурирую-

щих концепта: Россия как периферийная часть западной цивилизации и неоевразийство.

Более скромное место в современном цивилизационном дискурсе о России занимает промежуточная концепция, имеющая, по сути, несмотря на солидную историю, постмодернистский характер. Согласно этим взглядам Россия – не Запад, не Восток и даже не «огромный Восток-Запад», соединяющий два мира [14], а самобытная цивилизация, находящаяся на стыке двух миров и способная заимствовать всё положительное из обоих.

Л.Семенникова, например, считает Россию цивилизационно неоднородным обществом [15].

На наш взгляд, это важный тезис, позволяющий послужить отправной точкой для дальнейшего обсуждения проблемы.

Классическое обсуждение феномена российской цивилизации ведется в русле апелляции к традиционным русским ценностям, среди которых называются духовность, православие, соборность, нестяжательство. Критики российской цивилизации чаще всего обращаются к таким признакам российской жизни, как отсутствие приоритета свободы, подчинение человека государству, индивидуальных интересов – коллективным. Представляется, что для подобных выводов как о позитивных, так и негативных чертах русской ментальности (в зависимости от выбранной шкалы ценностей) имеются основания. Однако главная проблема заключается не в этой амбивалентности, присущей любой цивилизации и любому обществу. Проблема заключается в том, что речь должна

идти не о русской цивилизации, а о современной российской цивилизации, формирующейся в геополитических реалиях XXI в. И хотя генетическая связь между русской культурной матрицей и современной российской цивилизацией неоспорима, следует иметь в виду следующие особенности современного цивилизационного развития.

Первое. Современная российская цивилизация не может быть православной в силу того факта, что неправославные этнические группы в своём большинстве являются не этническими меньшинствами, а этническими россиянами, т.е. имеют на территории России свою этническую родину. Кроме того, атеистическая «прививка» советских времён имела своим результатом глубокие корни светскости, и постоянная апелляция к православным ценностям при обсуждении феномена современной российской ментальности далеко не всегда соответствует реалиям. Об этом также свидетельствует широкое распространение нетрадиционных верований как следствие поощрения религиозности в постсоветской России.

Тем не менее православные ценности (не являющиеся по своим истокам чисто православными, но закреплёнными в православии) составляют важную часть и русского, и российского социокультурного кода, что важно учитывать при обсуждении проблемы. К числу таких элементов традиционно относят духовность, соборность (коллективизм), благодеяние, жертвенность.

Второе. Советский период оказал исключительно большое влияние на социокультурный облик современ-

ной России, как и других народов, составлявших более 20 лет назад братскую семью. По мере развития советского общества и перехода в 70-е – 80-е годы на идеологию мирного сосуществования двух систем советская идентичность всё больше утрачивала формационный смысл и приобретала, говоря современным языком, цивилизационное содержание. Идея о «советской цивилизации» родилась уже в постсоветское время в соответствии с новой терминологией социальных наук [16].

В советском обществоведении существовал концепт «советского образа жизни» для обозначения того факта, что при всех огромных региональных различиях в Советском Союзе действительно сложился единый социум с типичными формами жизнедеятельности и социокультурными ценностями.

Это понятие было введено в общественно-политический лексикон на XXIV съезде КПСС и получило дальнейшее развитие в многочисленных публикациях.

Несмотря на наличие проблем, созданная в СССР национально-государственная конструкция позволяла обеспечить гармоничное сосуществование не просто разных народов, но народов, исторически принадлежащих к различным культурно-цивилизационным системам. При этом сохранялось культурообразующее значение русской культуры, русского языка, но тем не менее каждой этнической культуре нашлось место в этой схеме. Ностальгия по СССР во многом связана с характером межэтнических отношений в 60-е – 70-е годы, которые воспринимались и воспринимаются как стабильные.

Третье. Современная российская цивилизация должна быть обращена в будущее. Многие исследователи отмечали, что российскому менталитету нужны мобилизационные сверхзадачи, что Россия не может ориентироваться на идеологию *глобального провинциализма*. Это не учитывают многие современные адепты идеи «России как «нормальной» страны», пытаясь сформулировать её в терминах общества потребления, требуя, по словам А. Проханова, «для русских тех же калорий и того же комфорта, как для швейцарцев и англичан». Это унижительная для русского сознания идеология. Она уступает место русскому мессианству, великой русской альтернативе, русской святости, русскому космизму – учению о вселенской справедливости и богооткровенной правде» [17].

Четвёртое. Коммунитаристские идеологии имеют историческое преимущество перед индивидуалистскими, и цивилизации, основанные на коммунитаризме (китайская, индийская, мусульманская), обладают большим запасом «исторической прочности». С точки зрения либерализма коммунитаризм является признаком традиционализма, по сути, отсталости, и преодолевается в эпоху модерна.

Однако последние десятилетия показали, что это не так. Если мы действительно имеем дело со столкновением цивилизаций, то его контуры становятся всё более зримыми: общества, основанные на взаимной связи и ответственности людей, граждан и государства, общества, в которых их культурой и идеологией предусматривается возможность подчинения индивидуальных инте-

ресов общественным, оказываются более жизнеспособными в исторической перспективе, чем общества, зиждущиеся на абсолютизации личной свободы, идеологии «усыхания государства» (от которой в последние годы отказываются ввиду несоответствия реалиям).

Сдвиги в гендерной ситуации на Западе (от регистрации и даже церковного оформления однополых браков до предложений легализовать инцест) перестали выглядеть как эскапады отдельных экзальтированных либералов и укладываются в представление о мейнстриме развития западной цивилизации. В этом плане Россия относится скорее к коммуитаристским социальным системам, несмотря на усилия, предпринятые в 90-е годы по «либерализации» страны. Эти усилия привели к разновекторным ориентациям в общественном сознании.

Противоречивую ситуацию показывают и социологические исследования: согласно опросу Левада-Центра, посвящённому ожиданиям граждан от власти, Россия остаётся левой страной с доминирующей идеей Большого государства.

Главный запрос россиян к государству – забота об их материальном благополучии (43% – против 14%, считающих самой значимой защиту гражданских прав и свобод).

Когда граждан спрашивают, что им кажется более важным – интересы государства и

страны в целом или интересы отдельного человека, 47% выбирают первый вариант и 39% – второй.

В 2005 г. это соотношение выглядело иначе: 41% против 52%, т.е. модель «государство для человека» на протяжении последних девяти лет теряла популярность.

Приоритет частного над общим как принцип не очень близок россиянину. Однако это же исследование показало, что ситуация меняется, если абстрактное частное лицо в опросе заменить конкретным. Личные интересы и интересы собственной семьи 69% ставят выше интересов государства и страны в целом [18].

Пятое. Необходимо признать, что центр мирового развития медленно, но неуклонно смещается из западного мира в Азию. В этом случае положение России на стыке разных миров, между Западом и Востоком, превращается из недостатка, периферийного положения, «цивилизационной пограничности» в преимущество. При этом России придётся отказаться от некоторых стереотипных представлений о Южной Азии, в частности Индии и Китае, как о странах, способных развиваться только на основе использования западного опыта. Эти страны предложили вполне удачные модели гармонизации традиционализма и модерна (развития) на основе собственной культурно-цивилизационной матрицы.

Выстраивать цивилизационную идентичность новой России необходимо с учётом указанных факторов. Каковы будут и должны быть конкретные параметры этой идентичности – тема для широкого общественного обсуждения. В то же время вполне допустимо использовать уже имеющийся опыт конструирования современных макроидентичностей, в частности, общеевропейской идентичности.

Так, немецкий исследователь Х.Бонненберг, изучавший основания формирования единой европейской идентичности, выделил следующие структурные элементы:

- идеалы;
- повседневные бытовые аспекты;
- страдания;
- вызовы будущего, мифы, ключевые фигуры европейского самосознания;
- города;
- города, важные с точки зрения общеевропейской истории;
- культурные и спортивные мероприятия, общеевропейские институты;
- великие личности;
- выдающиеся женщины;
- выдающиеся спортсмены;
- великие первооткрыватели;
- великие борцы за свободу;
- великие реформаторы;
- великие деятели искусств, науки и техники [19].

Часть из этих идентификационных оснований формировалась столетиями, но понадобились усилия, чтобы придать им не национальное, а общеевропейское звучание.

Представляется, что современная цивилизационная идентичность России должна строиться вокруг сходных оснований. В первом десятилетии XXI в. было предпринято несколько удачных медийных проектов, позволивших выйти на формирование позитивных компонентов российской идентичности.

Среди них можно выделить теле- и интернет-проект «Имя России», проведённый в 2008 г. телеканалом «Россия», Институтом российской истории РАН, фондом «Общественное мнение», а также проект «Семь чудес России», организованный газетой «Известия», телеканалом «Россия» и радиостанцией «Маяк».

Во втором десятилетии – проект «Имя Победы», проведённый Российским военно-историческим обществом и ВГТРК.

Актуализация славных страниц нашей истории, великих творений российской культуры является залогом эффективного культурно-цивилизационного развития страны, становления российской цивилизации как полноценного центра многополярного мира XXI в.

Вместе с тем современная российская цивилизационная идентичность должна строиться на современности и будущем. Особое внимание следует уделить общим вызовам, стоящим перед народами России и требующим совместных усилий. Обращённость в будущее была важнейшей составляющей советской идентичности – одного из наиболее успешных макросоциальных проектов прошлого столетия. Быть впереди всех в мире, говоря современным языком, быть конкурентоспособными – одна из главных идей, составлявших советскую идентичность. Проекты космических исследований, развития Севера и Дальнего Востока поддерживали советскую идентичность вплоть до конца 70-х годов.

Подобные глобальные проекты удачно вписались в новую культуру, поскольку имели глубокие социокультурные корни. На место мессианства в тра-

диционном варианте российской идентичности должна прийти идея сверхзадачи – прорыва в будущее, интеллектуального, технологического, социального.

Примечания

1. *Ивашов Л.Г.* Украина на геополитических перекрестках // *Обозреватель–Observer*. 2014. № 4. С. 9.
2. Цит. по: *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 1995. С. 21.
3. *Панарин А.С.* Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // *Вопросы философии*. 1994. № 12. С. 26.
4. *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // *Обозреватель–Observer*. 2013. № 9. С. 27.
5. *Горшков М.К.* Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // *Власть*. 2013. № 1. С. 13.
6. *Таратута М.* Россия не Запад и не Восток. Это отдельная цивилизация // URL: <http://uainfo.org/yandex/305300-rossiya-ne-zapad-i-ne-vostok-eto-otdelnaya-civilizaciya.html>
7. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // *Научная мысль Кавказа*. 2013. № 4. С. 33.
8. *Шайхисламов Р.Б., Ирнazarов Р.И., Садретдинова Э.В. [и др.].* Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации // *Вестник ВЭГУ*. 2013. № 3. С. 82, 84.
9. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона // *Обозреватель–Observer*. 2012. № 7. С. 5–14.
10. *Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV. Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе: Специальный выпуск. Р.н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 7.
11. *Ставропольский Ю.В.* Качественный контент-анализ публикаций об идентичности в российской прессе // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 1. С. 460.
12. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17831/>
13. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350>
14. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Мысль, 1990. С. 22.
15. *Семенникова Л.И.* Цивилизационные парадигмы в истории России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 6. С. 86–102.
16. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: в 2 кн. Кн. 1. От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2001; *Он же.* Советская Цивилизация. Кн. 2. От Великой Победы до наших дней. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
17. *Проханов А.А.* Битва за Кавказ // *Завтра*. 2011. № 18 (911).
18. Россия – страна левого индивидуализма // *НГ*. 2014. 17 июня
19. Европейская идентификация // *Известия*, 2009. 15 апреля